

Я спросила: «Когда матушка назначила Шангуань Цайжэнь, вы не указали ей должность, а позволили самой выбрать одежду. Это было с тем же смыслом?»

Матушка одобрительно взглянула на меня, и я продолжила: «Если говорить о последнем пункте, то, пожалуй, я смогу до него додуматься, если поучусь у Шангуань Цайжэнь. Но первый пункт — я ни за что бы не сообразила. Матушка, ваша мудрость освещает всё, и хотя я ваша родная дочь, мне не достичь и одной десятитысячной вашего величия.»

Моя лесть вызвала у матушки улыбку, но она всё же шлёпнула меня по голове: «Ты, малая хитрюга, когда дело касается уловок против родителей, ловка как бес, а в таких вещах проявляешь лень. Если бы не Хэлань Миньчжи тебя обидел, ты бы, наверное, и взглянуть на этих двоюродных братьев не пожелала.»

Я хотела возразить, но матушка опередила меня, бросив косой взгляд: «Как ты распорядилась теми людьми в своих покоях?»

Я смущённо ответила: «Уже отправила их в Дворец Етин для определения вины. Жду доклада от начальника Етина, чтобы вынести решение.» Матушка передала мне донесение Цю Шэньцзи и упрекнула за то, что я не сумела удержать своих слуг в узде. Я поняла её намёк — она, видимо, хотела, чтобы я разобралась сама, — и, воспользовавшись её авторитетом, написала Цю Шэньцзи, приказав передать всех людей в Етин. Хотя он обычно и приказы Ли Шэна исполнял спустя рукава, на сей раз подчинился моему распоряжению и отослал всех в Етин. В душе я всё же надеялась замять дело, поэтому сделала вид, что жду повторного рассмотрения их вины, рассчитывая затянуть процесс на несколько месяцев. Если бы матушка забыла об этом, я могла бы потом выпустить их из дворца. Не думала, что матушка спросит так скоро, и попыталась отделаться общими словами. Однако матушка мгновенно переменялась в лице: «Разве Цю Шэньцзи уже не определил их вину? Разве показания не представлены? Зачем снова отправлять в Етин на рассмотрение?»

Я испугалась и заговорила запинаясь: «Каждое из преступлений, в которых их обвиняет Цю Шэньцзи, тянет на казнь на площади. Неужели за простую кражу стоит так поступать?»

Матушка гневно взглянула на меня: «Я вижу, ты обычно добра и мягка, но в целом разумна. Почему же в таких делах становишься такой недалёковидной? А-Ян — твоя кормилица, она в твоих покоях почти что хозяйка. Вместо того чтобы верно служить тебе, она сговорилась с сообщниками и занималась воровством. Сегодня это шёлк, завтра — печати и указы, а послезавтра её могут подкупить, чтобы она принесла в твои покои предметы для колдовства! Таких людей, что самоуправствуют и обманывают вышестоящих, ты хочешь оставить?»

Увидев гнев матушки, я хотела упасть на колени, но она остановила меня взглядом. Я осталась стоять, обняв её за руку: «Матушка, успокойтесь, пожалуйста. Всё, что вы сказали, верно, но законы государства должны карать за поступки, а не за намерения. Ныне они всего лишь воры, и судить их следует за кражу. Пусть накажут палками, сошлют или отправят на каторгу, по уложению. К чему устраивать массовые расправы? Я слышала, Цю Шэньцзи арестовал даже евнухов, подметавших опавшие листья во дворе. Из моих слуг в Дворце Дамин забрали чуть ли не шестьдесят процентов. Я думаю... это слишком жестоко.»

Матушка холодно усмехнулась: «В прошлом году ты всего лишь отчитала А-Ян, а она закапризничала, заявила, что больна, и отказалась служить. Ты сама поехала в Етин, а она проявила к тебе неуважение, и лишь по моему личному указу согласилась вернуться. Одного этого достаточно, чтобы предать её мучительной казни! Цю Шэньцзи вынес приговор о простой казни, и то уже милость, а ты всё ещё пытаешься её прикрыть и заступиться. Я передала тебе

дело, чтобы посмотреть, как ты с ним справишься, а ты только и думаешь, как меня обмануть.»

Я не знала, то ли встать на колени, то ли остаться стоять, и в итоге лишь склонилась в поклоне: «Матушка, они всё же мои люди. Публичная казнь будет неприглядной. Умоляю, проявите милосердие и даруйте им... полное погребение.» Произнося эти слова, я почувствовала, как дрожит голос, — меня одолевали и вина, и печаль.

Матушка взглянула на меня: «Ты чувствуешь вину за то, что тогда защитила Вэй Хуань?»

Я вздрогнула и резко подняла на неё глаза. В дворце цветы распускались рано, и сейчас всё вокруг пестрело яркими красками, соревнуясь в красоте. Мы стояли близко к клумбе. Матушка протянула руку, сорвала ветку, поднесла её к носу и вдохнула аромат. Выражение её лица было спокойным, даже с оттенком удовольствия. Она слегка надавила пальцами, сломав нежный цветок, оглянулась. Туаньэр тут же поднесла зеркало, и матушка украсила свою причёску цветком, после чего повернулась ко мне: «Красиво?»

Я не сразу сообразила, что ответить, и пробормотала: «Красиво.» Желая угодить матушке, чтобы она забыла о Вэй Хуань, я добавила с улыбкой: «В это время года уже есть пионы. Это, должно быть, благодаря вашей добродетели, матушка. Даже цветы распускаются раньше срока.»

Матушка обернулась к свите: «А вы как думаете?»

Те, кто стоял позади, тут же начали поддакивать: «Принцесса права. Добродетель вашего величества трогает небеса.»

Матушка вдруг сорвала цветок и бросила его на землю: «А мне он не нравится.»

Все замерли. Туаньэр с улыбкой сказала: «Ваше величество, ваше тело подобно фениксу, и хотя этот цветок прекрасен, ему всё же недостаёт императорского величия.»

Матушка усмехнулась и, взяв меня за руку, пошла вперёд. Впереди виднелось большое дерево, на котором почки только начали распускаться, и оно выглядело довольно неказисто, с пятнами жёлтого и зелёного. Садовник, увидев, что матушка смотрит на дерево, в поту принялся объяснять: «Я сию же минуту велю его заменить.»

Матушка улыбнулась: «Обычно такие деревья либо полностью зелёные, либо полностью жёлтые. Но случайно увидеть наполовину зелёное, наполовину жёлтое — забавно.»

Садовник заулыбался: «Совершенно верно, ваше величество. Я тоже так подумал и не стал его заменять. Если вам приглянулось это дерево, осмелюсь предложить перенести его в Чертог Чжэньгуань.»

Матушка улыбнулась, но не дала прямого ответа: «Ты потрудился. Получишь пятьдесят штук шёлка. Можешь идти и заниматься своими делами.»

Садовник низко поклонился и удалился. Матушка медленно шла вперёд, держа меня за руку, и сказала: «Ты, наверное, думаешь, что все эти люди — льстецы и подхалимы, да?»

Я ответила: «Они слуги матушки, так им и положено.» Даже я, защищая Вэй Хуань, принялась льстить матушке. Что уж говорить об этих людях? Их способность говорить неправду, не моргнув глазом, и впрямь вызывала уважение. Я бы так никогда не смогла.

Матушка мягко усмехнулась: «Ты ошибаешься. Хотя они мои ближайшие слуги, лишь очень немногие изначально ставят волю господина выше своей и слова господина — выше собственных. Они стали такими, потому что я шаг за шагом их к этому приучила.» Её улыбка постепенно исчезла, и, глядя на меня, она сказала уже совсем без улыбки: «Например, Ваньэр. Её семья была мной уничтожена. Ты думаешь, она вправду хочет служить мне и пресмыкаться передо мной?»

В этот момент раздался глухой звук — Ваньэр, стоявшая ближе всех, упала на колени, вся дрожа, её лицо побелело.

Матушка улыбнулась, лишь слегка подняв глаза, и все слуги исчезли. Под цветущим деревом остались только матушка, Ваньэр и я.

Звук падения Ваньэр был таким громким, что у меня сами собой заболели колени. Я переживала за Ваньэр, зная, насколько непредсказуема матушка, но в то же время радовалась, что её внимание переключилось. Я осторожно отступила на полшага, но матушка лишь легонько сделала жест, будто поддерживая Ваньэр, и равнодушно сказала: «Вань-цин, не трепещи. Тоска по предкам — чувство естественное. Лишь бы впредь сердце было предано мне. Я не тот человек, который не может простить. Я сказала это при тебе, ибо отношусь к тебе с искренностью.»

Несмотря на слова матушки, Ваньэр не успокоилась. Она склонилась в земном поклоне, рыдая: «Ваше величество, ваша великодушная добродетель сияет, как свет. Я и сотней жизней не смогу отплатить вам, лишь желаю служить вам всю жизнь, как верный пёс, дабы хоть немного воздать за вашу милость.»

Матушка улыбнулась: «Мне не нужно, чтобы ты отдавала сто жизней. Просто будь предана мне в этой.» Затем она повернулась ко мне: «Помоги Шангуань Цайжэнь встать.»

Я поспешила помочь Ваньэр, но она всё же успела несколько раз ударить лбом о землю, прежде чем позволила поднять себя. Когда она подняла голову, лоб и одежда были испачканы грязью, а по щекам текли слёзы. Она опустила голову, чтобы скрыть это, но матушка приказала: «Подними голову.»

<http://bllate.org/book/16278/1466224>